

Для цитирования: Фистик А.С. Феномен тоталитаризма: методологический и сущностный дискурс // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 4. С. 474–481. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-4-474-481.

Несформированность тоталитаризма как научного термина, несмотря на более чем полувековую практику употребления, является существенным неудобством для исследователей. Представители различных дисциплин употребляют понятие во взаимоисключающих контекстах. Положение усугубляется настоящей «парадигмальностью» [1, с. 219] тоталитаризма, заполнившего интеллектуальное пространство от текстов школьных учебников до понятийного инструментария политических наук.

Типология государственных форм вообще находится в проблемной зоне в связи с глубиной идеологизации и политизации вопроса. Окончательно запутавшись в понятиях «нелиберальная демократия», «управляемая демократия», «авторитарная демократия», «включающий и исключаящий авторитарный режим», многие исследователи оставили надежды на возможность конструктивной дискуссии как таковой. Апогеем подобного отношения стала установка на самоопределение: «Если государство называет себя монархией... то оно есть монархия, если называет себя республикой — то республика» [2, с. 127]. Тем интереснее попытки выведения политических понятий из идеологической области и их рассмотрения всецело на научной основе. Приведем мнение известного политолога В. Иванова, допускающее, что невозможность различения режимов вызвана тем, что единственной фактической формой управления современными государствами является олигархия, а остальное — «идеологии», «маски», «постановки», способствующие спокойствию и «комфорту» граждан [2, с. 143, 146, 152]. Но одна форма власти не поддается обобщениям даже для В. Иванова, исследователь аккуратно выводит ее за пределы своих рассуждений — этой особой формой является тоталитаризм.

УНИКАЛЬНОСТЬ ТОТАЛИТАРИЗМА КАК ОБЪЕКТА ИЗУЧЕНИЯ

Позиция «особости» крайне важна для понимания тоталитаризма. Как только тоталитаризм становится «одним из многих», он тут же теряет свое основополагающее качество, заявленное Х. Арндт, заключающееся в способно-

сти вызывать «метафизический ужас». По мнению А. Маслакова, невосполнимая потеря неизбежна при рассмотрении тоталитаризма силами политологии: стоит определить феномен в привычных для данной «позитивной» дисциплины терминах партийной диктатуры, засилья идеологии, погрузиться в перечисление институциональных особенностей, поставить в общий сравнительный ряд с другими формами государственного устройства — и тоталитаризм начинает вызывать не более, чем «этимологический интерес» [1, с. 221].

Познанию тоталитаризма благоприятствует нехарактерная для общественных наук операция выведения из общего ряда. Избыточность сравнений, за неимением фактического общего, расплывает искомую сущность. Катастрофичность природы должна быть подчеркнута соответствующей объекту «сольной» конфигурацией рассуждений. К сожалению, о тоталитаризме нередко говорится в общем русле привычной путаницы политических терминов, тогда как экстраординарный антигуманный характер выводит феномен за рамки такого дискурса.

Видимо, по той же причине способности к передаче пресловутой эмоции «ужаса» убедительно представлять тоталитарную тему в состоянии только люди, непосредственно пережившие эту трагедию. Приблизиться к пониманию тоталитаризма удастся исключительно при обращении к текстам немецких и отечественных авторов-очевидцев, которые выделяются на фоне мирового обсуждения, позволяющего себе руководствоваться весьма отстраненными и формальными подходами «чистой» социологии и политологии. Неслучайно наиболее веское слово было сказано не-социологами — учеными франкфуртской школы социальных исследований Х. Арндт, Э. Фроммом, Г. Маркузе. Метод франкфуртской школы можно назвать *актуализированным философским дискурсом с элементами культурологии и социальной психологии*, что обусловлено особенностями изучаемого объекта.

Выдающиеся мыслители приходят к выводу о том, что тоталитаризм — *духовная трагедия народа*: «На первых порах многие успокаивали себя мыслью, что победы авторитарных систем обусловлены... тем, что итальянский и германский народы прожили в демократических условиях слишком недолгий срок и поэтому не достигли политической зрелости, или что люди вроде Гитлера якобы захватили власть над государственным аппаратом лишь при помощи вероломства и мошенничества, что они и их подручные правят, опираясь на одно лишь грубое насилие, а весь народ является беспомощной жертвой... За годы, прошедшие со времени победы фашистских режимов, ошибочность этих точек зрения стала очевидной. Нам пришлось признать, что в Германии миллионы людей отказались от своей свободы с таким же пылом, с каким их отцы боролись за нее... Мы

поняли, что кризис демократии не является сугубо итальянской или германской проблемой, что он угрожает каждому современному государству... «Опасность не в том, что существуют другие тоталитарные государства — опасность в наших собственных личностных установках... в психике современного человека... *Поле боя находится здесь, в нас самих*» (курсив наш. — А. Ф.) [3, с. 8–9]. Мысль, уводящая от политики в культуру и развитие личности, многократно поддержана свидетелями: «Когда мы... старались расшифровать постигшую всех нас беду, но не могли найти подходящего кода; сумма страданий была слишком велика, чтобы взыскать ее с тех немногих, *кого явно* (курсив наш. — А. Ф.) можно было назвать виновными, получался *остаток* (курсив наш. — А. Ф.) — он и по сей день еще не поделен» [4, с. 17], — для Г. Белля также очевидно, что «остаток» распределяется на всю культуру и внутренний мир каждого члена общества в отдельности. В таком случае понятие о тоталитаризме неуловимо терминологической сетью социальных наук, в инструментарий которых не входят категории души, внутреннего мира человека, добра и зла, жизни и смерти.

Именно перечисленные сущности оказываются активно востребованы при изучении тоталитаризма, описать который другими способами не удастся. Как уже отмечалось, «для понимания тоталитаризма необходимо *“думать об ужасах”*» [5, с. 572]. У Х. Арндт сказано именно об «ужасах» — не о «монополии на власть», «подконтрольных организациях», «широкой народной мобилизации», «радикальном преобразовании общества» [6, с. 158–159], которые по отдельности или в совокупности ужаса не вызывают и тем не менее значатся решающими компонентами безнадежно рациональных для познания тоталитаризма социологических и политологических определений. Некоторые современные политологические позиции настолько «позитивны», что полностью не замечают насильственный компонент, разворачиваясь всецело в понятиях «мировой гегемонии», что превращает их в апологетические концепции тоталитаризма. Разумеется, для столь односторонних концепций выделение тоталитаризма в отдельный политический режим «научно несостоятельно» [7, с. 101].

ФИЛОСОФСКО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТОТАЛИТАРИЗМА

Как становятся возможны неопишемые ужасы сатанинского «тоталитарного ада» — где даже понятие об убийстве теряет смысл, ибо это уже массовое производство трупов, — объясняет

Х. Арндт. Глубинная онтологическая и единственно возможная причина открывается в качестве тоталитарного человека. Для Х. Арндт тоталитаризм — общество «равно *лишних людей*»: «Операторы этой системы верят в собственную ненужность, как и в ненужность всех остальных, и все тоталитарные убийцы тем более опасны, что их не волнует, *живы они сами или мертвы* (курсив наш. — А. Ф.), жили ли они вообще или вовсе не рождались» [5, с. 595]. Исследователь заостряет внимание на исчезновении личности, технологиях вытравливания души, приводящих к главному — феномену «*неодушевленного человека*». Ужас безжалостно парализует в человеке все, кроме простейших рефлекторных реакций, — такое существо «уже невозможно психологически понять», личность и характер разрушаются «более радикально, чем при психической болезни». Пережить тоталитаризм и вернуться в «понятный человеческий мир», по Х. Арндт, означает не меньше, чем «восстать из мертвых», это подобно «воскресению Лазаря» [5, с. 572].

Результатом тоталитарной обработки становятся два в равной степени бездушных человекообразных существа: приученный к насилию экзекутор и застывшая на пороге смерти жертва, остов человека, «доходяга», по удачному наименованию А.И. Солженицына. Дальнейшие ужасы «радикального зла», где «человек может осуществить адские фантазии без того, чтобы небеса опустились на землю и земля разверзлась» [5, с. 579], проистекают из специфики данных личностных типов, точнее, обозначенных процессов потери личности, отражающих феномен приспособленного для реальности концентрационных лагерей тоталитарного человека.

Опыт тоталитаризма, недоступный для понимания даже психологией, априори, в силу вопиющей *иррациональности* пенитенциарного общества, не может быть описан социологией или политологией, оставляя нам философский, культурологический анализ, а также художественное осмысление. Характерно, что в трудах исследователей франкфуртской школы обычны ссылки на образы Ф. Кафки, Ф.М. Достоевского [3, с. 132, 150] и др. Более того, не находя научных терминов — так как тоталитаризм отнюдь не играет по политическим правилам — сами исследователи нередко уподобляются писателям, вынужденные говорить о «чудовище, пожирающем собственных детей» [5, с. 409, 567], чтобы хоть что-то объяснить.

Интересно, что вышеописанная потеря личности и ценности жизни, ведущая к ужасам тоталитарного насилия, неизменно сопровождается картинами разрушения культуры. Сложно найти альтернативный насилию интерес в обществе, где крылатой фразой становится: «Когда я слышу слово культура — я хватаюсь за мой револьвер», где поэты декламируют отвращение к «хламу культуры»,

призывают «вас — варвары, скифы, негры, индейцы — ее растоптать» [цит. по: 5, с. 435–436]. При разрушении высокой культуры надо иметь в виду, что на ее руинах предпочтительнее полного «ничто» окажется для социума соблазн насилия — простейшая альтернатива культуре. История тоталитаризма дает нам опыт достижения отметки культурного нуля, после чего выбор обществом насильственной парадигмы как альтернативы пустоте происходит с относительной легкостью. Принимая во внимание уроки истории, можно утверждать, что культура — единственное, что отделяет человека от насилия, являющегося наиболее очевидным из «дешевых» способов заполнения культурного вакуума.

На материале фундаментального труда Х. Арндт «Истоки тоталитаризма» (1951) мы приходим к философско-культурологическому определению, альтернативному относительно не выдерживающих критики социологических и политологических дефиниций и насущно необходимому для продолжения конструктивного исследования тоталитаризма. Тоталитаризм — крайняя антигуманная, противочеловеческая форма власти, основанная на беспрецедентном насилии, при которой фактической целью становится не служение общественным нуждам, но максимальная мера власти, достигаемая полным, тотальным *уничтожением личности* (альтернативного субъекта), включая масштабное разрушение культуры, общественных механизмов, нарушение любых человеческих связей. Апогеем тоталитаризма является общество концентрационных лагерей, феномен «неодушевленного человека», физическая ликвидация людей как повседневная норма. Тоталитаризм, по Х. Арндт, — процесс всемерного совокупного подавления личности, имеющий в основе механизмы психофизического социального воздействия. Это культурная, духовная катастрофа общества и личности. От форм авторитаризма отличается степенью подавления человека, а также «нигилизмом», «безумием», «иррациональностью», «бесструктурностью», отсутствием осмысленной управленческой, утилитарной, хозяйственной направленности, программ и целей.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ ДИСЦИПЛИН

Согласно систематизации, предложенной А.С. Маслаковым, авторы франкфуртской школы разделяются на собственно философов (Х. Арндт) и, с другой стороны, менее компетентных психоаналитиков, культурологов (Э. Фромм,

Г. Маркузе), позволяющих себе путать тоталитаризм с авторитаризмом и массовым обществом [1, с. 222; 8, с. 103]. Но для нас франкфуртская школа едина в более широком смысле оппозиционности структурно-институциональному подходу, искажа-

При разрушении высокой культуры на ее руинах предпочтительнее полного «ничто» окажется для социума соблазн насилия — простейшая альтернатива культуре.

ющему суть феномена гораздо значительнее, нежели самые существенные ошибки франкфуртцев.

Г. Маркузе в своем центральном исследовании «Разум и революция» (1941) обосновывает важнейшие характеристики тоталитаризма, такие как иррациональность, безумие, отсутствие программ, спонтанность, непредсказуемость, бессмысленное движение. Внимание сосредоточено на очевидном разрушении культуры рационализма, подмене принципа «*cogito, ergo sum*» странной установкой «что действительно — разумно». Решающим фактором, ведущим к безысходности тоталитаризма, исследователю видится блокировка механизма познания посредством культы наличествующей действительности, когда разум начинает ошибочно отождествляться с реальностью. Теория и всякая интеллектуальная деятельность теряют опору в абсолютном и обретают признак утилитарной изменчивости. Всякая идея отвергается, если тотчас не перерастает в практику: «Верность всякой истине, лежащей за пределами практических целей или превосходящей их, объявляется бессмысленной...» [9, с. 513]. Посредством изменения парадигмы мышления замыкается узкий круг насильственной власти: «Факт грубой власти становится настоящим богом эпохи, и, по мере того, как эта власть возрастает, капитуляция мысли перед фактом становится все более очевидной» [9, с. 508], — порочный круг отсутствия критического осмысления легко перерастает в восходящую спираль насилия. Культурология Г. Маркузе описывает тоталитаризм как подавление разумного начала с вытекающим отсюда комплексом дальнейших отрицательных последствий.

Идеи Э. Фромма усиливают персоналистический аспект теории франкфуртской школы. Фигура тоталитарного человека получает обоснование в психологии садомазохизма и историческую преемственность в образах обделенного культурой мелкого лавочника и негативно настроенного правверного лютеранина [3, с. 76–101, 141–160,

205, 265]. Персоналистические находки органично вплетаются в общую теоретическую канву, претендуя на роль главного «истока» — тоталитаризм перестает восприниматься сугубо государственным феноменом. Э. Фромм убедительно доказывает, что в иной семье, рабочем или учебном коллективе, любовных отношениях можно испытать настоящий тоталитаризм. Самоцелью в межличностных ситуациях, как и политических, является комплексное подавление личности ближнего, помноженное на власть и безнаказанность (индивид является родителем, родственником, начальником), ведущее к глубокому психофизическому нездоровью, при отсутствии рациональных созидательных мотивов. Сам факт того, что проблема тоталитаризма может быть рассмотрена с выходом на другие уровни человеческих взаимоотношений (специфическое наполнение при этом до определенной степени сохраняется), в очередной раз выводит обсуждение за пределы политологического дискурса. Понятие тоталитаризма не уместается в определение разновидности государственного строя, прежде всего, за счет наличия необходимых для его понимания культурных и личностно-психологических расширений.

В высшей степени совместимы с выводами ученых франкфуртского института достижения отечественной мысли. Объединенные общей бедой очевидцы солидарны: «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына отражается в «Истоках тоталитаризма» Х. Арендт. Аналитика сосредоточена вокруг таких основ, как постоянный *страх*, нагнетаемое чувство *вины*, «ложь как форма существования», «культ *двуличности*», отсутствие всякого *права*, всеобщее *незнание* (созвучно культурологии Г. Маркузе), *скрытность*, *недоверчивость*, *стучачество*, *предательство* (сводимы к категориям «атомарности» и «отчуждения» франкфуртской школы), что в комплексе ведет к венчающим систему феноменам дикой *жестокости* с одной стороны и *рабской* психологии с другой (напоминает психоаналитическую дихотомию Э. Фромма) [10, т. 6, с. 395–407]. Не случайно официально признано только два исторических примера тоталитаризма — нацизм и сталинизм, обладающие общей сущностью. Впрочем, для большинства современных политологов и социологов, не замечающих глубины обоснования данного решения, нацизм и сталинизм фигурируют лишь «в узком смысле» [6, с. 179–180]. Полные необъяснимого спокойствия, такие исследователи пишут о том, что «впоследствии появились новые тоталитаризмы со своим неповторимым своеобразием и могут появиться в будущем», рассуждают о режиме сегодняшнего Вьетнама — так называемом «тоталитаризме с элементами политической, экономической и духовной свободы» [11, с. 57].

Видимо, вопрос тоталитаризма — не первое и не последнее противоречие. Впору говорить о конфликте дисциплин, приходящих не к взаимодополняющим, но взаимоисключающим выводам. Среди наиболее острых суждений, критикующих формальность подхода «самых передовых» социальных наук, можно привести обвинение в «готовности служить без разбора подонкам и героям» [12, с. 28] под прикрытием «нейтрального» исследования, прозвучавшее от Б. Капустина как реакция на возможность отнесения нацистского переворота к понятию «революция» с точки зрения социологии. По мнению Б. Капустина, подходы «развитых» социальных наук склонны к искусственному подведению под «общие понятия» в рамках своеобразной «индустрии», погони за «научной эффективностью», осуществляемой в обход понимания элементарных онтологических принципов «природы» тех или иных феноменов, «давным-давно известных» философии. Пропасть между дисциплинами на данный момент достигает масштабов затруднительности составления тематических сборников гуманитарных наук, превращая такую деятельность в настоящее редакторское искусство [12, с. 24–28]. Тенденцию движения научного сообщества к социологии для решения любых гуманитарных задач критиковал еще Г. Маркузе в связи с тем, что социология принципиально имеет дело с данностью факта и обречена на отсутствие «критического заряда», «негативности», «диалектичности», на замкнутость в самой себе, в результате чего в своем актуализме опасно приближается к нацизму. Уже оглавление книги «Разум и революция» дает понять, что манера мышления социологии для Г. Маркузе является чуть ли не последней предтоталитарной стадией¹.

В большинстве случаев претензии философов на доминирование в области рассмотрения тоталитаризма выглядят обоснованно, но иногда в выражениях представителей «матери всех наук» присутствует градус снобизма. Так А.С. Маслаков утверждает, что проблема тоталитаризма является «чисто философской» [1, с. 230]. Мнение подкреплено тем, что тоталитаризм затрагивает не столько общество и способ функционирования его институтов, сколько технику и практику самого мышления. Но главным аргументом в пользу того, что тоталитаризм должен «занимать» именно философский оформленный рассудок, становится исторический факт уничтожения дисциплины тоталитарными

¹ Содержание [9] построено по принципу нарастания градуса «вредоносности» тех или иных общественных теорий и их приближения к фашизму. Таким образом, завершающими раздѐлами являются: «Позитивная философия общества: Огюст Конт»; «Позитивная философия государства: Фридрих Юлиус Шталь»; «Переход диалектики в социологию: Лоренц Штейн».

режимами, позиционирование тоталитаризма как буквального «конца» философии. По А.С. Маслакову, философия уникальна тем, что призвана познать в тоталитаризме свое «абсолютно иное». На самом деле, если так ставить вопрос, тоталитаризм обязан быть крайне интересен целому ряду наук, среди которых в числе первых окажутся история, литература, культурология, психология, юриспруденция, также искупившие право на участие уничтожением своего предмета. Зачастую перечисленные гуманитарные науки рассматривают тоталитаризм с тех же позиций (типичным литературоведческим заголовком является, например: «Жестокость и насилие как характерные признаки тоталитаризма в романе А.И. Солженицына “Красное колесо”» [13, с. 66]), — теория тоталитаризма получает дополнительные источники подтверждения, не вступая в противоречие, что представляется всецело положительным воздействием на общую ситуацию. Надо заметить, в другом месте А.С. Маслаков признает наличие «сложившейся традиции» рассмотрения тоталитаризма в литературе, но не связывает надежд с культурологией, причисляя ее, наравне с политологией, социологией, психоанализом, к разряду дисциплин, в которых тоталитаризм «не имеет своего лица» [1, с. 222].

Как бы то ни было, необходимо соблюдение императива соответствия методов объекту. Напомним некоторые характеристики изучаемой тоталитарной действительности: «Чтобы иметь успех, ложь должна быть чудовищной» [5, с. 570–571], — провозглашает фюрер, лидер государства. Обращают на себя внимание свидетельства «преступности» власти, позволяющей уничтожать улики. Высказано предостережение о неприменимости мерок обычного суждения, ибо «безмерность преступлений» гарантирует то, что убийцам «поверят скорее, чем жертвам, говорящим правду». Исследователь тоталитаризма должен понимать, что злодеяния невероятного размаха делают любое наказание или квалификацию, предусмотренную правовой системой, «неадекватной и абсурдной» [5, с. 570]. Тоталитаризм принципиально не поддается сколько-нибудь формальному исследованию — типичной иллюстрацией является нерешенность проблемы с позиций социологии². Любые закономерности, выявляемые структурно-институциональным ракурсом, рассыпаются при столкновении с живой эмпирической действительностью, оказываясь «фасадными». Достаточно вспомнить цену Веймарской конституции при нацизме [5, с. 599], сталинской конституции 1936 года или предста-

вить себе действующий уголовный кодекс, который никто «в глаза не видал, в руках не держал, не мог купить, достать и даже спросить» [10, т. 5, с. 93–94]. Можно утверждать, что восстановление тоталитарной эпохи возможно на основе редких мемуарных или художественных источников, внеположных тоталитарному феномену, не являющихся социологическими в силу своей уникальности и «субъективности». В обстоятельствах «полностью фиктивного мира» [5, с. 508] стоит применить принцип относительности: очевидна большая объективность «субъективных» материалов по отношению к свидетельствам основанной на лжи действительности, где субъекты невозможны вообще. Данную специфику остро восприняли авторы художественных текстов, изображая в своих произведениях фантомность «Зазеркалья» [14, с. 434] как основу тоталитарного бытия.

В заключение перечислим основные выводы. Исследование показало, что используемые сегодня в науке понятия о тоталитаризме имеют недопустимо мало общего с аутентичными компетентными источниками. Это объясняется невозможностью выхода за рамки рационалистической парадигмы в иную реальность, где целиком действует тоталитаризм — дисциплина и объект изучения оказываются в разных плоскостях. Структурно-институциональные методы воспринимают только лежащую на поверхности систему рационализаций, принимая их за основу, что приводит к комплексным заблуждениям. Тоталитаризм всегда касается личности и деформации культуры, поэтому феномен невозможно объяснить внутри политологического дискурса из социологических оснований. Успешное изучение предполагает активное использование философского и культурологического анализа, внимания к текстам художественной литературы, вкупе с максимальной приближенностью к слову очевидца как отражение уникальности рассматриваемого феномена.

Список источников

1. Маслаков А.С. Тоталитаризм как проблема социальной философии // Наука и общество в эпоху технологий и коммуникаций : материалы международной научно-практической конференции, 3 дек. 2015 г. Москва : Моск. ун-т им. С.Ю. Витте, 2016. С. 218–231.
2. Иванов В. Формы правления и политического режима. В поисках нового содержания // Логос. 2008. № 6. С. 121–155.
3. Фромм Э. Бегство от свободы. Москва : АСТ МОСКВА, 2009. 284 с.
4. Бёль Г. О самом себе // О самом себе ; Где ты был, Адам? ; Рассказы ; Бильярд в половине десятого ; Глазами клоуна ; Письмо моим сыновьям, или Четыре велосипеда : [пер. с нем.]. Москва : Пушкин. б-ка : АСТ, 2004. С. 15–17. (Золотой фонд мировой классики).

² Передать степень растерянности может фраза: «Но только в Германии и Италии фашизм вырос в полноценный режим, и объяснения этого социальные науки пока не дали, хотя, возможно, здесь лучше говорить об исторической случайности» (курсив наш. — А. Ф.) [6, с. 165].

5. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. Москва : ЦентрКом, 1996. 672 с.
6. *Брахет-Маркес В.* Недемократическая политика в XX веке и далее // Логос. 2008. № 6. С. 156 — 190.
7. *Чернов А.В.* Двойственность понятия «тоталитаризм»: от тотальной диктатуры к тотальному единству // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2016. № 3. С. 101—105.
8. *Рогулёва А.С.* «Тоталитаризм» как термин гуманитарных наук // Вестник Московского университета. 2012. № 4. С. 100—105. (Серия 19. Лингвистика и международная коммуникация).
9. *Маркузе Г.* Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. Санкт-Петербург, 2000. 540 с.
10. *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений : в 7 т. Москва : ИНКОМ НВ, 1991. Т. 5. 541 с. ; Т. 6. 574 с.
11. *Карпов А.А.* Современный тоталитаризм и его разновидности // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1. С. 52—58.
12. *Капустин Б.* О предмете и употреблении понятия «революция» // Логос. 2008. № 6. С. 3—47.
13. *Хусиханов А.М.* Жестокость и насилие как характерные признаки тоталитаризма в романе А.И. Солженицына «Красное колесо» // Знание. 2017. № 3—2 (43). С. 66—72. [Киев : Serenity-Group].
14. *Домбровский Ю.О.* Факультет ненужных вещей // Хранитель древности. Факультет ненужных вещей : романы. Москва : Эксмо, 2005. 736 с.

THE PHENOMENON OF TOTALITARIANISM: THE DISCOURSE ON METHODOLOGY AND ESSENCE

ALEXANDRA S. FISTIK

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russia

Lomonosov Moscow State University, 31, Building 1, Lomonosovsky Av., Moscow, 119192, Russia

E-mail: asrog@inbox.ru

Abstract. *The unformed term “totalitarianism” is a serious problem for researchers. The article raises the question about the reasons behind the lack of clarity in the definition, and attempts to discover the recipe for the renewal of a constructive discussion. The basic point seems to be the mismatch between the methodology of social sciences and the object of study. The aggravating factor is the numerous inconsistencies in the available body of evidence relating to the totalitarian era, which makes sociological methods and statistical techniques inapplicable. The dominant current presentation of totalitarianism is based on the structural and institutional approaches of political science and sociology, being thus just a rationalization of the totalitarian actuality, in need of considerable revision and correction. Many solutions, crucial for gaining an adequate perception of the complex social and cultural phenomenon “totalitarianism”, have been already made available in humanities or are potentially contained in their approaches. In the course of analyzing the special features of the phenomenon under investigation, the author comes to the conclusion that clear understanding of the concept of “totalitarianism” is impossible without calling for the notions of “personality”,*

“inner self”, “soul”, “psyche”, “good and evil”, “living and dead”, “culture”. The article establishes the importance of totalitarianism’s examination within the philosophic, cultural, literary and psychological discourses at the current stage of the term development. The expected positive contribution of the article to the subject matter may be gradual evolution of the interdisciplinary view on totalitarianism into the condition of non-contradiction, as well as bridging the growing gap separating from the eyewitness testimony of the era.

Key words: totalitarianism, state typology, personality typology, totalitarian personality, methodology of social sciences, the Frankfurt School, H. Arendt, H. Marcuse, E. Fromm.

Citation: Fistik A.S. The Phenomenon of Totalitarianism: The Discourse on Methodology and Essence, *Observatory of Culture*, 2017, vol. 14, no. 4, pp. 474—481. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-4-474-481.

References

1. Maslakov A.S. Totalitarizm kak problema sotsial’noi filosofii [Totalitarianism as a Problem of Social Philosophy], *Nauka i obshchestvo v epokhu tekhnologii i kommunikatsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 03 dek. 2015* [Science and Society in the Era of Technology and Communications. The Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of 03 Dec. 2015], Moscow, Moskovskii Universitet im. S.Yu. Vitte Publ., 2016, pp. 218—231.
2. Ivanov V. Formy pravleniya i politicheskogo rezhima. V poiskakh novogo soderzhaniya [The Forms of Government and Political Regime. In Search of New Content], *Logos*, 2008, no. 6, pp. 121—155.
3. Fromm E. *Escape from Freedom*. Moscow, AST MOSKVA Publ., 2009, 284 p. (in Russ.).
4. Böll H. Über mich selbst [About Myself], *Zolotoi fond mirovoi klassiki* [The Golden Collection of World Clas-

- sics]. Moscow, Pushkinskaya Biblioteka Publ., AST Publ., 2004, pp. 15–17 (in Russ.).
5. Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. Moscow, Tsentr-Kom Publ., 1996, 672 p. (in Russ.).
  6. Brachet-Marquez V. Undemocratic Politics in the Twentieth Century and Beyond, *Logos*, 2008, no. 6, pp. 156–190 (in Russ.).
  7. Chernov A.V. Dvoistvennost' ponyatiya "totalitarizm": ot total'noi diktatury k total'nomu edinstvu [Dual Interpretation of the Totalitarianism: from the Total Dictatorship to the Total Unity], *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova* [Bulletin of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University], 2016, pp. 101–105.
  8. Roguleva A.S. „Totalitarizm“ kak termin gumanitarnykh nauk [“Totalitarianism” as a Term Used in Humanities], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 19, lingvistika i mezhdunarodnaya kommunikatsiya* [Moscow State University Bulletin, Series 19, Linguistics and Intercultural Communication], 2012, no. 4, pp. 100–105.
  9. Marcuse H. *Reason and Revolution: Hegel and the Rise of Social Theory*. St. Petersburg, 2000, 540 p. (in Russ.).
  10. Solzhenitsyn A. Arkhipelag GULAG [The Gulag Archipelago], *Maloe sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, INKOM NV Publ., 1991, vol. 5, 541 p., vol. 6, 574 p.
  11. Karpov A.A. Sovremennyy totalitarizm i ego raznovidnosti [Modern Totalitarianism and its Versions], *Leningradskii yuridicheskii zhurnal* [Leningrad Legal Journal], 2016, pp. 52–58.
  12. Kapustin B. O predmete i upotrebleniyakh ponyatiya "revolyutsiya" [About the Subject and Usages of the "Revolution" Concept], *Logos*, 2008, no. 6, pp. 3–47.
  13. Khusikhanov A.M. Zhestokost' i nasilie kak kharakternye priznaki totalitarizma v romane A.I. Solzhenitsyna "Krasnoe koleso" [Cruelty and Violence as Characteristic Signs of Totalitarianism in the Novel by A.I. Solzhenitsyn "The Red Wheel"], *Znanie* [Knowledge], Kiev, 2017, no. 3–2 (43), pp. 66–72.
  14. Dombrovsky Yu.O. Fakul'tet nenuzhnykh veshchei [The Faculty of Useless Knowledge], *Khranitel' drevnostei. Fakul'tet nenuzhnykh veshchei: romany* [The Keeper of Antiquities. The Faculty of Useless Knowledge: Novels]. Moscow, Eksmo Publ., 2005, 736p.

НОВИНКА

Сиднева Т.Б. Эстетика. Учебник для студентов творческих вузов, обучающихся по специальностям: «музыкально-инструментальное искусство», «вокальное искусство», «дирижирование», «композиция», «музыковедение», «музыкальная звукорежиссура». Нижний Новгород : Издательство Нижегородской консерватории, 2016. 200 с.

В учебнике дано краткое изложение наиболее принципиальных тем курса эстетики. Обозначены векторы освоения дискуссионных проблем науки, предложены рекомендации по организации самостоятельной работы. Издание адресовано прежде всего студентам музыкальных вузов, поэтому при сохранении традиционной структуры курса акцент сделан на философии и эстетике музыки.

В учебник включены все необходимые для освоения эстетической науки формы работы. Проблемы эстетики изложены с разной степенью подробности: от краткой формулировки смысла вопроса — до развернутого изложения материала. Это обусловлено, во-первых, различной степенью их освещенности в литературе и, во-вторых — близостью или, наоборот, отдаленностью связи с профессиональными интересами студентов-музыкантов.

Наряду с изложением ключевых тем курса предложены варианты тестов, даны списки вопросов к зачету и экзамену, рекомендации по организации самостоятельной работы. Построение учебника предполагает путь от изучения элементарных понятий эстетики к углубленному погружению в проблематику науки с целью формирования навыков философско-эстетического мышления.

В июле 2017 г. учебник отмечен дипломом лауреата Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2016 г., проводимого Фондом развития отечественного образования среди преподавателей высших учебных заведений и научных сотрудников научно-исследовательских учреждений, в номинации «Гуманитарные науки».